

Виктория Добрынина

* * *

Я Тебя не все поминаю,
Я цепляюсь — за руку возьми!
Затеряюсь в улицах, в трамвае,
Между телогреек и возни,
Мелочных монеток, шуб китайских...
«Беломор» и «Красная Москва»...
Сам, поди, попробуй, покатайся,
Тут Тебе не храмы Покрова.
Я потом узнаю, что не только
На Нерли, еще и на крови.
Мама мандариновой долькой
Утешает:
— Жди и не реви!
Посреди неведомого рая,
Только млека точно зная вкус,
Я уже живу и обмираю, —
Затеряться, Господи, боюсь.
И стою одна, и воем вою, —
Не остави, Господи, дитя!
Ты, как мама, «Красною Москвою»
Пахнешь. Подойди, побудь со мною,
Жесткими крылами за спиною,
Как фольгой «Гвардейской», шелестя...

* * *

Ни толстых книг, ни славы не нажать,
Все наша лень, любимый, виновата.
Так летом между рамами лежит
Рождественская вата.

Там стопки с солью и стеклянный шар,
Шар елочный, и мишуры гирлянды.
И желтыми страницами шурша,
Душа першит, как гланды.

Пока витает в памяти тот быт,
Тот иллюзорный, но почти предметный
На ощупь — чьей остался не прикрыт
Рукой буфет заветный?

Что завкультурой думает в виду
Книжонки тощей на сукне казенном?
Так беззащитен вечный снег в саду
Над сталинским вазоном...

* * *

Голубь, сидящий на перилах твоего балкона,
Кажется больше окна напротив.
Лужица чая притягивает сильнее,
Чем листья клена,
Раскрашенные в три цвета,
Как светофоры на повороте.

В сущности, это понятно, ибо
Все повторяется, ежеутренне, ежеосенне:
Сын опрокинул чай, а его «спасибо»
После завтрака — необязательно, даже вызовет опасенья.

Лужицу следует вытереть вчера, сегодня и завтра,
А перемены сезонов и без тебя случатся.
А то, что быт каждодневный
Что-то главное застит, —
Если и верно, то, все-таки, лишь отчасти.

Где-то за облаками старец премудрый ропщет —
Гложет его рутина долга единовластья,
Зависть к мытью посуды, мысли о том, что проще
Пусть в мелочах погрязнуть, но добрести до счастья.

* * *

И хватит о вечном. Настала, настала пора
Мгновенья ловить на лету в ладони, как снег в ноябре.
Не для толкований, не для упражнений пера,
Но, может быть, ради приставки в значении «пре».

Все так восхитительно-хмуро, так серо-молочно, смотри:
Неужто пугал меня тусклый пейзаж за окном?
Ты видишь, он тем же остался, но вот изнутри, изнутри
Подсвечен как будто бы. Может быть, тем, что вдвоем,

Как два Херсонесских столба на пустынном морском берегу,
Два дерева, — клен, а другое не знаю, как звать,
Меж ними — не колокол древний, но птичий язык на бегу
К подветренной кроне пытается звук издавать...

* * *

Что ты будешь делать у нас в раю?
Ничего, о Господи, ничего.
Наклонившись к рыжему муравью,
Рассмотрю внимательно я его.

Не совру я, Господи, не совру:
Буду праздность праздновать, не трудясь.
В палисадник выйду, цветов сорву,
Я таких не видела отродясь.

Созову друзей, соберу на стол,
Со свиданьем пусть попьют, кто пьющ.
В палисадник выйду. Вишневый ствол
Оплетает темно-зеленый плющ.

В палисадник выйду и постою.
Палисадник будет же у меня?
Не совру я, Господи, и в раю
Задержусь, ну максимум, на три дня.

А потом, о Господи, скажешь мне:
— Не взыщи, вот Бог тебе, вот — порог.
И замрет фонтан в райской скважине,
Ангелочек дунет прощально в рог.

Ну а тот, к которому прибреду,
Ко всему готов, до всего дорос.
Что ты будешь делать у нас в аду? —
Не его вопрос.

* * *

Современная жизнь в трехсотлетних домах,
но закатное небо в каминных дымах
так мечтательно с толку сбивает.
Да еще если редкий снежок шелестит!
Это Кай у экрана с попкорном сидит,
Герда розу свою поливает.

Это старой Европы уютный фасад,
это старости всхлипы — вернуться назад,
перепутав с возвратным глаголом
треугольные скаты фахверковых крыш,
так о чем ты молчишь и о чем говоришь?
Кай во всю заморочен футболом.

О погоде, мой друг, путешествиях, о
посиделках в кафешках уютных...
В дни стипендий галдеж, мотовство, фатовство,
Расставания в сумерках смутных, —

все забудь. Это здесь в трехсотлетних домах
новым пьескам на стареньких сценах
жить и жить. Нам же только утаивать страх.
Грезить о переменах...

* * *

Гашу очередной окурочек,
Старуха, маленький придурочек,
Любви оплывший кругляшок.
Еще сродни разумной твари,

Сквозь дойчешпрахе на бульваре,
Ташу, как в затрапезной таре,
Себя в себе, еще шажок.
Еще полшага. Скрыться в доме,
И вдруг застыть в дверном проеме,
Забыв, куда держала путь.
Воистину, куда держала?
Прости мне, ридная держава,
Когда-нибудь, когда-нибудь.
А я давно, давно простила
За все, что не было и было,
Что быть могло и не могло...
За мутершпрахе за душою,
За упоительный дешевый
Стакан заморского «Мерло».
Так говоришь, что путь держала?
Держала девушка весло.
Тебя несло, тебя трясло,
В стакане ложечка дрожала,
Двоясь в вагонное стекло.
Держали пионеры горны,
А нынче пафосно и гордо
Вещает женщина с косой.
Твоя держава повзрослела,
Сообрази, какое дело
Ей до тебя? И полосой
Неровной горного заката
Сползает облачная вата,
Жизнь, как ампир, витиевата,
Как русский реализм, чревата
Печальной гордою красой...

Виктория Добрынина. Родилась в Харькове в 1950 году. По образованию художник-педагог. Была художником-оформителем, руководителем детской изостудии, воспитателем в детском саду, социальным работником. Публиковалась в периодике России, Украины и в Интернете. Автор четырех книг стихов, вышедших в Москве и Харькове. Член Союза писателей Украины. Лауреат Чичибабинской премии. Живет в Эрфурте (с 2007 г.)